

История 1

НИКОГДА НЕ ГОВОРИ
С МЕРТВЕЦАМИ

Сумерки медленно проникают в комнату, окутывают синевой все места, куда не дотягивается мягкий свет рыжего торшера.

— Дядя! Дядя! — Двухлетняя Лена Лебедева сидит в деревянной кроватке с решетчатыми стенками и показывает пухлой ручонкой на пустой угол под потолком.

— Нет там никого! — шипит на нее мать, укладывая спать.

— Дядя! — опять повторяет Ленка и плачет.

Фигура «дяди» изогнутая, лицо неплотное — за ним проглядывает трещина в побелке. А за серым полупрозрачным пиджаком виден красный ковер в мелкий цветочек.

Лебедевы живут в деревне Клюквино. Их дом помнит четыре поколения. И так уж вышло, что мужчины в этих стенах всегда умирают рано, хозяйство ведут бабы. В ближайшем окружении маленькой Ленки нет ни одного «дяди», только этот странный полупрозрачный гость над кроваткой.

Она смотрит на него большими глазами, он смотрит на нее. Лене не страшно, но обидно, что ее никто не понимает.

Свет в детской гаснет. Старый дом скрипит, и кажется, будто по чердаку кто-то ходит. Дядя все еще висит сверху. Его видно в слабых отблесках уличного фонаря, свет которого проникает через щелочку в плотных шторах. Глаза Ленки слипаются.

Она моргает раз, потом еще раз, и вот уже веки стали такими тяжелыми, что поднять их нет никакой возможности. Она засыпает крепким сном, а призрак под потолком медленно сливается с темнотой.

Спустя какое-то время дядя исчез. Лена не помнила, когда он перестал приходить, но в доме стало спокойнее и теплее. От мертвецов всегда веяло холодом и пахло землей.

Однажды у соседей умерла баба Клава.

День похорон был летний, солнечный. Разноцветные домики утопали в зелени, палисадники пестрели цветами. По деревне гремел траурный марш.

Гроб соседки до деревенского кладбища несли на руках ее взрослые дети и внуки. Всю дорогу за покойницей устлали еловыми ветками. Ленкина прабабушка Нюра, глядя на все это с крыльца и убирая под платок непослушные белые пряди волос, ворчала: мол, давно бы уже оставили этот обряд, никакой пользы в тех словых лапах. Маленькая Лена слушала молча, елка у нее ассоциировалась исключительно с Новым годом. Было странно видеть колючие ветки посреди лета.

В эту же ночь мертвая соседка по этим веткам, как по собственным следам, явилась обратно. Но пошла не к себе, а в дом Лебедевых. И осталась до сорокового дня.

Едва темнело, она начинала топтаться у дверей, словно стесняясь войти в комнаты, мяла в руках свой ситцевый платочек, который любила носить при жизни, тоскливо выла. Ленка и на нее показывала матери, а та доставала со шкафа старые плюшевые игрушки, которые раньше брать было нельзя, или начинала рассказывать сказки или читать книжки. Лена увлекалась этим новым занятием, но все равно слышала тихие поскребывания и всхлипы умершей соседки.

Ленка всегда четко различала живых и мертвых, но долго не могла понять, почему последние застревают между мирами, почему не уходят на тот свет. Что их держит?

Как-то раз, когда Ленке было три года, после родительской субботы¹ прабабушка поймала ее в огороде, взяла на руки, обняла и шепнула на ушко: «Молчи, внучка, до поры молчи про то, что видишь. Не надо живым про усопших знать. Мала ты еще, не поймут тебя... А кого ты видишь, тем я сама помогу, отпущу их...»

---

¹ Родительскими субботами в православии называют особые поминальные дни, в которые принято чтить память усопших. — Здесь и далее — примечания автора.

Лена подняла на нее испуганные глаза.

— Баба?..

— Тс-с... Что смогу, расскажу тебе. Попозже. Когда подрастешь.

Прабабушки Ньюры не стало, когда Лене было всего пять с половиной лет. Бабушка умерла следом, в тот же год. Осталась Ленка с мамой.

Вот уже двадцать первый год девчонке пошел, а призраки все так же приходят к ней и днем, и ночью. Значит, так будет всю жизнь? И что с этим делать? Непонятно.

От покойников веяло не только холодом, но и болезнями, болью, виной. Иногда Ленку мучило от встреч с ними. Пару раз она пыталась узнать у неживых, как и чем им можно помочь. Что сделать, чтобы душа отправилась на тот свет? Но мало кто из мертвых мог ответить. А если и заговаривали мертвецы с Ленкой — добром это не заканчивалось. Никогда.

Как-то раз собралась Лена по ягоды.

Вышла рано — едва подсохла роса. Сперва хотела было за домом Сергеевых в лес пойти, но там уже дачники все поляны подчистили. И опять вон кто-то с кузовком идет.

Решила прогуляться, дойти до другого края деревни.

Небо еще казалось бледным, солнце не поднялось из-за крыши, а уже мычали в сараях не доенные с ночи коровы, хлопали двери. Соседи здоровались через заборы, к автобусной остановке выходили те, чьи рабочие смены в городе начинались с восьми утра.

Ленке сегодня хотелось тишины, и она направилась за улицу Дружную. Здесь люди в лес не любили ходить, и тропа почти не видна была — заросла. Деревья близко друг к другу стояли, темно было даже днем, зябко.

Пробралась Лена через высокую траву и увидела: в тени девица неуспокоенная стоит — одежда истлела, выцвела, волосы паклями висят, плоть с костей отваливается. Смотрит неживая на нее грустными глазами, чуть не плачет. Ленка пожалела неприкаянную, спросила:

— Как тебе помочь? Почему ты тут?

Мертвячка в ответ куда-то в сторону показала. Ленка пошла смотреть, а там в кустах колодец. Старый, давно заброшенный, забытый. Деревянный короб почти весь в землю врос, от оголовка и ворота даже следа не осталось.

Лена подошла ближе, наклонилась и заглянула внутрь — на самом дне было что-то... или кто-то. Сердце защемило, заныло. Не смогла Ленка пройти мимо.

Вернулась в деревню, отыскивала одноклассника своего, Сережу Кадушкина. У него отец, Николай Степанович, служил в деревне участковым. Объяснила другу и его родителю, что нашла в заброшенном колодце человеческие останки. Вернулись к нужному месту уже втроем.

И в тот же день достали со дна скелет.

Кто была та мертвая девица? Лицо призрака выглядело серым, черты его расплывались, дрожали и искажались. А от тела уже одни кости остались — как имя узнать? Похоронили на деревенском кладбище в безымянной могиле.

Сережка Кадушкин потом сказал, что экспертиза выдала отчет — лет пятьдесят прошло со дня смерти, не меньше.

Ленка решила, что раз похоронили девушку из колодца, то призрак обретет покой. Да только в другой раз пошла она по грибы за улицу Дружную — опять та же покойница стоит. По серым впалым щекам слезы катятся.

— Чего тебе надо-то? — удивилась Ленка. Но та не ответила и не пошевелилась.

А еще через неделю Сережа Кадушкин пропал. Нет нигде, будто сгинул. Отец все дома в деревне обошел, морги и больницы обзвонил, своим коллегам ориентировку дал, а найти не смог. Ленка как узнала, сразу почуяла недоброе. Снова к тому колодцу отправилась.

Тот день был серый, пасмурный. Дождь лил, не прекращая, уже сутки. Под широкой кроной старого клена стояли два мертвяка.

Ветки трепало ветром, но призраки этого не замечали — улыбались и обнимались, словно двое влюбленных.

Тело Сережи подняли, похоронили как положено. Но отец его, Николай Кадушкин, чернее дна того колодца стал.

В деревне шептались, что Серега добровольно на смерть пошел, в колодец вниз головой прыгнул — сам. Но кто ж то видел? Никто. А раз никто не видел, то пусть бы и молчали.

Потом Лена еще раз сходила к жуткому месту, но теперь никого у колодца не было. Упокоились сын участкового и девушка из колодца? День был ясный, но от деревьев все еще веяло холодом, Лена чувствовала запах тлена.

Вот и спрашивай у мертвяков, чем им помочь. Лучше и не помогать уж совсем.

Хорошо кому-то стало от того, что Ленка с призраком заговорила? Парень молодой помер, отец его забухал. Мать в трауре. На Ленку полдеревни косо смотрит.

Примерно через месяц после тех событий, когда листья деревьев уже были подернуты золотом, у крыльца Лебедевых, пока Ленкина мать была на работе, нарисовалась баба Шура. Она шурила подслеповатые глаза, без конца поправляла засаленный бордовый платок на шарообразной, как кочан капусты, голове и долго заглядывала в окна, прежде чем постучать.

Ленка вышла на крыльцо, накинув на плечи мамину телогрейку, и уткнулась взглядом в огромную бородавку на шее бабы Шуры. Та схватила Ленку за руку и зашептала в ухо: мол, слухи по деревне ползут, что есть у Ленки особый дар — видеть невидимое.

— Сходи ко мне в дом! Небось муж мой покойный, Федька, там еще. Он только две недели как помер. Я слышу — по ночам кто-то шаркает по дому, возня какая-то под крышей постоянно, точно он там ходит...

Глаза у бабы Шуры забегали, словно там, на чердаке, вместе с призраком поселилась какая-то жуткая тайна.

— Ну, раз ходит, так батюшку из соседнего села позовите, тот прогонит. — Ленка высвободила свою руку из потной ладони бабы Шуры и отступила на шаг.

— Да батюшка, может, и прогонит. А кто мне скажет, куда этот старый хрыч при жизни заначку спрятал? Мне что теперь — весь дом переворачивать? Сходи спроси у него. Я тебе заплачу. Если заначку найдешь — с нее и заплачу.

Ленка вздохнула и невольно подумала о том, что кофточка, которая сейчас надета под телогрейкой, была куплена ею в городе, в секунд-хенде, два года назад. А сколько лет джинсам — и не вспомнить. На работу Ленка всего неделю как устроилась. До зарплаты еще дожить надо.

— Пойдемте, баб Шур, — согласилась Ленка.

На чердак поднималась в одиночестве: бабе Шуре что-то срочно понадобилось в огороде, и, указав, где лестница, та скрылась в сарае с инвентарем.

Под самой крышей старого дома, в полутьме, среди паутины и пыли, висевшей в воздухе плотной пеленой, Ленка с трудом разглядела бледного, полупрозрачного мальчика, играющего двумя дощечками. Никакого деда не было.

— Ты чей будешь?

Ребенок вздохнул и показал Ленке в правый угол. Там в огромном старом сундуке, обитом металлическими пластинами, под покрывалами и серыми тряпками она нашла иссохшее, мумифицированное тельце мальчика.

В горле пересохло, язык прилип к нёбу, мысли спутались, но Ленка все-таки разжала губы и спросила:

— А ты не знаешь, куда дядя Федя заначку спрятал?

Мальчик в ответ подбежал к окошку, показал пальчиком на старую скрюченную яблоню посередине участка. Небо за деревом стремительно темнело, как и мысли в голове у Ленки.

Деньги покойника откапывал уже участковый. Под яблоней нашлась жестяная банка, а в ней — пятьдесят тысяч рублями.

Бабу Шуру посадили. За убийство или за оставление в опасности, точной статьи Ленка не знала. Деревенские говорили, что мальчишка с чердака ее внук был. Он якобы без вести пропал десять лет назад. А оказалось, это баба Шура недосмотрела за ним: мальчик наглотался какой-то домашней химии — кажется, отбеливателя. И помер. Родителям старуха наврала, что ребенок убежал, тело припрятала.

Почему бабка, зная о Ленкиных способностях, не побоялась ее на чердак пустить? Может, из ума выжила. Спустя год Ленке рассказали, что из тюрьмы баба Шура переехала в психушку.

А разговаривать с мертвецами Ленка зареклась. Да только они вот не зарекались. Но это уже новая история.

История 2

МЕРТВЫЙ НЯНЬ

Это история городской девушки, которая недолго прожила в Ключвине со своими детьми. И случайно познакомилась с Ленкиной одноклассницей.

В прошлом году у мужа умер отец. Свекор жил один — в деревне Ключвино в добротном доме, который сам построил из сибирского кедра. После свадьбы мы бывали там несколько раз в гостях, а потом у нас родились дети — Славка и всего через полтора года после него Егорка, — какое-то время было не до поездок в гости.

После смерти свекра все хозяйство досталось мужу в наследство. Долгое время он сопротивлялся поездке в деревню, ему было сложно смириться с потерей отца. Но настало лето.

Город даже в солнечную погоду казался серым и пыльным. Душа просилась на природу, дети, которым уже исполнилось полтора и три года, отчаянно не хотели уходить с улицы, и как-то вечером муж сдался: «Пусть воздухом чистым подышат, воды из родника попробуют, узнают, что такое бегать по траве босиком...»

А мы с детьми и рады!

Я мечтала, что в Ключвине и мне удастся немного отдохнуть и развяться. Но не тут-то было. В первые выходные мы всё перемыли, обустроились, а потом муж вернулся в город работать. И началась наша с детьми «жизнь на природе».

Чуть свет — мальчишки глаза откроют и бегут на участок. А там то грабли ржавые в траве найдут, то доску с гвоздями от старого забора отрывать станут. Глаз да глаз нужен, чтобы беды не вышло. А ведь и поесть приготовить надо. В нашу глушь доставка готовых блюд не приезжает.

А уборка? Это не в квартире пыль тряпочкой смахнуть — пока большой дом пропылесосишь, половики повытряхиваешь, пока полы натрешь...

А детей по вечерам купать в тазу? У деда только душ, никакой ванны! Мои привереды так не привыкли — каждый вечер ор во всю ивановскую.

В общем, я к таким приключениям оказалась не готова. За первые две недели умоталась так, что готова была мужу звонить и просить забрать нас домой в душный, но родной и удобный город.

Пошла как-то утром за продуктами. Иду, и такой некрасивой кажется мне эта деревня: дома старые, заборы кривые, магазин строили еще в советские годы — его бы снести давно, а они там торгуют...

Лица у людей вокруг какие-то недобрые. Да и сама я утром не ангел: на голове гулька, на ногах — растянутые штаны и шлепанцы. Из косметики только синяки под глазами. Дети под ногами путаются, нервы мотают. И тут вижу — она.

Стоит у прилавка русская красавица: на вид не старше двадцати трех лет, коса — волосок к волоску, лицо сияет свежестью и румянцем. На руках — парнишка маленький, точно как мой Егорка. А рядом за руку держится девчужка лет трех, ровесница моего Славки.

Купила красавица что-то, в сумочку положила и поплыла лебединой походкой к выходу.

Меня такая зависть взяла! И как ей удастся так выглядеть? Неужели не устает с малышами?

Продавщица мое изумление заметила:

— Это Настя Строганова. Любой городской фифе нос утрет.

Я набила рюкзак продуктами и понуро поплелась с детьми домой. Егор и Славка тянули меня в разные стороны, но вскоре впереди показалась детская площадка: скрипучие карусели, качели, песочница... Я решила, что это мой шанс передохнуть, пока они играют, и развалилась на лавочке. Но тут заметила, что рядом у деревянного домика стоит Настя со своей дочкой.

Рука сама потянулась к резинке на голове, и я распустила волосы. Нашла в кармане очки и надвинула на глаза, чтобы скрыть синяки.

Других детей на площадке не было, наши малыши быстро обнаружили друг друга и подружились. Решая их нехитрые споры и помогая кататься с горки, разговорились и мы.

Настя рассказала, что живет, как и я, одна в доме с двумя детьми. Муж на заработки уехал, а родители у красавицы уже умерли. Мы немного пошутили над общими проблемами молодых мам, и Настя пригласила меня в гости — выпить чаю, поболтать о женском.

Боже, как же я была рада! Завтра обещала приехать на пару дней моя мама, и теперь у меня есть законный повод оставить ей на несколько часов своих отпрысков, а самой смотаться к новой подруге.

Что испытывает мать двух маленьких детей, когда ей выпадает возможность выйти из дома одной?

Эту эйфорию, замешенную на растерянности и непривычном ощущении свободы, сложно с чем-либо сравнить. Я шла по улице, наслаждаясь тем, что меня никто не тянет за руки, не кричит, что надо вытирать сопли и срочно возвращаться домой, чтобы пописать на горшок.

А какими красивыми казались мне деревенские домики! Я разглядывала узоры на занавесках, любовалась ковкой на заборах, здоровалась со всеми подряд и даже погладила какую-то дворняжку.

Да, дети любимые, желанные и обласканные, но боже, как же прекрасно, когда хотя бы иногда с ними играет и укладывает их спать кто-то другой!

Солнце висело над печными трубами, небо казалось романтически-бездонным, воздух — сладким. Я шла, предвкушая приятный вечер с той, кто, скорее всего, разделяет мои маленькие мамские радости и несчастья.

Я бы нисколько не удивилась, увидь я в доме Насти разбросанные повсюду детали лего и рулон туалетной бумаги в каком-нибудь самом неподходящем месте вроде вазочки с конфетами. Но я вошла в чистую, светлую избу, будто сошедшую с иллюстрации к русской

сказке. В прихожей — половики в разноцветную полоску, в кухне — белые занавески и сияющий золотым пузом самовар. Запах пирогов чувствовался еще на подходе. Когда я села за стол, Настя достала их из горячей духовки.

— А где же дети? — Мой взгляд все еще бегал по дому в поисках беспорядка, мусора или хотя бы пары-тройки забытых и сломанных игрушек.

— В комнате, — беззаботно ответила Настя. Она возилась с посудой.

— Не боишься, что такие малыши без присмотра? Мало ли — влезут куда или розетку электрическую найдут.

— Так они под присмотром. — Настя переложила пироги с противня на большую тарелку. — Братик мой, Петруша, с ними играет.

— Так вот в чем твой секрет! Значит, есть у тебя помощник. А я вот так устаю, что в майке со старым пятном могу в магазин пойти. Уже самой стыдно на себя смотреть. А сил и времени, чтобы прихорашиваться, нет.

Я потянулась к самому крайнему пирожку, взяла его в руку, но обожглась. Интересно, зачем Настя мне тогда соврала, что живет с детьми одна? Целый брат, присматривающий за малышами! Господи, ну почему мама с папой не родили мне брата?!

Настя улыбнулась:

— Ты городская. Но если деревню полюбишь — приновишься и тоже все успевать начнешь. В своем доме и стены помогают. Здесь же несколько поколений Строгановых свои души оставили — тут и рожали, тут и жили, тут и на тот свет уходили. В этом доме ни со мной, ни с моими детьми беды случиться не может.

Я присмотрелась к обстановке. Настин дом и правда был полон воспоминаний о предыдущих поколениях: на стенах висели черно-белые фотографии, в отдельной вазе стояли деревянные ложки, которыми, судя по всему, много лет назад пользовались. Я провела пальцем по краю тарелки — еще советская, у моей бабушки такой сервиз был. А вон тому резному крепкому буфету лет сто, не меньше!

Минут через пять Настя вышла во двор сорвать нам к чаю свежей мяты. А меня потянуло в комнату, поздороваться и познакомиться с Настиным братом. Я тихонько приоткрыла дверь и замерла.

Мальчик, тот, что младший, смеялся и показывал пальчиком на угол. Мои дети тоже, бывало, так делали, если кто-то из взрослых корчил им рожи. Но в углу стояла только пустая табуретка.

Затем девочка кинула в тот угол мячик, и игрушка, не долетев до стены, вернулась ей в руки. Это выглядело так, словно кто-то невидимый перехватил мяч и кинул снова.

У меня похолодела спина, я почувствовала, как немеют и подкашиваются ноги. Зажмурилась, прогоняя морок, протерла глаза, а дети уже игру сменили. Мальчик на стульчик залез и прыгнуть хочет, но не летит вниз, а взмывает в воздух, словно его подхватили на руки!

У меня открылся рот, но крик провалился куда-то в живот и оттуда разлился волной необъяснимого ужаса до самых пяток.

— Дядя Петя, дядя Петя, и меня покружи! — попросила пустоту девочка. И тут же взмыла в воздух, поддерживаемая кем-то незримым.

Из Настиного дома я убежала, крестясь и вспоминая слова бабушкиных молитв. Матери и мужу об увиденном рассказать побоялась: решат еще, что я совсем поплыла от усталости.

Всю ночь мне чудилось, будто кто-то невидимый в кухне переставляет табуретки с места на место и негромко покашливает. Наутро после происшествия в голове у меня был такой туман, что я уже не была уверена, что события в доме Насти мне не привиделись.

Через пару дней я позвонила мужу и попросила забрать нас.

И вот собрали мы вещи — завтра ехать. Муж перед возвращением в город решил на деревенское кладбище сходить, отца покойного навестить. Недалеко от нашей могилки бросилась мне в глаза знакомая фамилия на надгробии и надпись: «Здесь покоится Петруша Строганов, сын и брат». Я присмотрелась: с фотографии на меня смотрел парень, очень похожий чертами лица на Настю. Так вот ты какой, помощничек. Мертвый нянь.

История 3

МЕРТВЕЦЫ-ПРИСЛУЖНИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
История 1. Никогда не говори с мертвецами.....	5
История 2. Мертвый нянь.....	13
История 3. Мертвецы-прислужники	19
История 4. Подкроватный черт.....	35
История 5. Про Ленкину деревню.....	67
История 6. Призрак сестры	73
История 7. Мальчик у дороги	89
История 8. Предназначение	107
История 9. Должок.....	125
История 10. Свет и тень.....	155
История 11. Белый шум.....	171
История 12. Новая семья.....	191
История 13. Проклятые.....	225
Об авторе.....	253